

Владимир ЧВАНОВ

СОУЧАСТИЕ

Владимир ЧВАНОВ

СОУЧАСТИЕ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

84P7
Ч-33

Ч $\frac{4702010200-332}{078(02)-85}$ 196-85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Сначала о самом главном: о личности автора и о жанре повести. Чванов Владимир Федорович — один из старейших работников уголовного розыска, автор книг о советской милиции.

В. Чванов, бесспорно, обладает определенным литературным опытом и литературными данными.

Считаю необходимым внести максимальную ясность (по возможности) в понимание определения жанра, в котором работает автор. Это необходимо для выработки точных и справедливых критериев (а главное, адекватных критериев!) в оценке идейных и художественных достоинств повести «Соучастие»

Раньше этот жанр именовался по-разному: проза бытовых людей, деловая проза и т. д. Сегодня, когда в нашей литературе все большую «прописку» получает синтез различных жанров, я бы определил жанр, в котором работает автор, как сплав беллетристики (в хорошем понимании слова), документальной литературы, написанной на высоком уровне компетентности, и публицистики, ставящей перед собой цель воспитания у юных читателей чувства ответственности за себя и окружающих людей.

Отмечу, что подобная «смешанность» жанров вообще типична для сегодняшней литературы, выходящей из-под пера компетентных людей: экономистов, социологов, юристов и т. д. Им хочется донести до читателя дорогие им мысли в максимально увлекательной форме, и поэтому они вносят в повествование сюжетность, историю человеческих отношений, то есть те элементы, которые составляют суть художественной литературы. И в то же время, повторяю, судить по чистым и высоким законам художественной литературы эти произведения, по-моему, неправомерно.

Их социально-педагогическая цель заключается в том, что люди большого социального опыта делятся с

молодежью социальными наблюдениями, важными мыслями и делают это не дидактически-назидательно, а ненавязчиво, доходчиво, с убедительностью душевного рабочего опыта и по возможности в увлекательных формах.

Все это в полной мере относится к повести «Соучастие», о которой идет речь. Она еще раз на живом, «выхваченном» из самой жизни материале, ставит вопрос об ответственности молодого человека за собственную судьбу. Любое созерцательно-пассивное или нейтральное отношение к злу неизбежно ведет личность к соучастию в зле, моральному падению. Сюжет повести — история одного такого падения. Сегодня, когда наше общество сосредоточивает особенное внимание на воспитании и самовоспитании молодого человека, эта тема и этот сюжет весьма актуальны.

К лучшим страницам повести относятся те, в которых с большой профессиональной точностью рассказывается о практической работе милиции, о том, как она предупреждает преступления, и о том, как она их раскрывает. Эти страницы — их в повести много — написаны с завидным знанием дела, обилием подробностей и штрихов, которые могут быть хорошо известны только опытному работнику уголовного розыска, и представляют широкий интерес для читателя.

Произведение В. Чванова «Соучастие» заслуживает внимание читателей, социально-педагогические достоинства повести бесспорны. Она обладает и литературными достоинствами, свойственными подобного рода повествованиям. К литературным достоинствам я отношу в том числе и высокую компетентность автора, глубокое знание предмета, гражданственную четкость его позиции.

Евг. Богат

ГЛАВА 1

Виктор Пушкарев подошел к столу, внимательно посмотрел на плотные конверты и взял самый крайний — левый, а не из середины, как в предыдущие два раза.

— Номер билета? — спросил худощавый экзаменатор.

Виктор открыл конверт и, взглянув на вложенный в него листок, ответил:

— Семнадцатый.

— Ну и прекрасно. — Экзаменатор склонился над ведомостью и, сделав в ней пометку, указал на стол в первом ряду.

— Садитесь и готовьтесь. Билет не из трудных.

Прочитав вопросы, Виктор немного успокоился. Сердце застучало ровнее. По первому и второму особым сложностей не возникало. Каверзным оказался третий: общество и проблемы экологии. Как отвечать на него, он представлял смутно. В школе об этом говорили мало. Правда, можно порассуждать о выбросе промышленных отходов в атмосферу и реки, о строительстве очистных сооружений, об ограниченных возможностях природы и о нерациональном использовании ее ресурсов. И конечно, о бездумной вырубке леса. Что останется нашим потомкам?

Но Виктор чувствовал, что для хорошей оценки этих общих рассуждений будет мало. Экзаменатор наверняка спросит о законах и постановлениях, о том, что делается по линии ООН.

Надо же было в экзаменационный билет включить такой вопросик!

Виктор оглядел кабинет. Он был не таким большим, как показалось поначалу. С задних рядов доносился шорох бумажных листков, сдержанные вздохи, чей-то настойчивый шепот.

Виктор готовился около часа. Очень хотелось с кем-

нибудь посоветоваться по злополучному третьему вопросу. Но с кем? За столом он один.

— Ну, молодой человек, — добродушно улыбнулся экзаменатор, — будем отвечать?

Виктор подошел к столу не спеша. Начал спокойно, уверенно, слегка вдаваясь в подробности. Делал он это сознательно: старался как можно дольше не затрагивать коварную экологию. Знакомые ребята говорили, что при хороших ответах иногда ограничиваются двумя первыми вопросами. Важно показать, что ты умеешь мыслить самостоятельно. Это создает впечатление.

Тактика оказалась правильной. Экзаменатор встал, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Там толпились абитуриенты.

— Ну что ж, пожалуй, достаточно, — он ткнул пальцем в очки и посмотрел на Виктора с интересом.

— Чувствуется, молодой человек, материал вы знаете неплохо. Значит, на геологоразведочный потянуло? Похвально! Для полного впечатления дайте краткое определение понятий «демократия» и «социальное». Вы часто употребляли эти слова.

Формулировки возникали одна за другой, но были они не точны, не убедительны.

— Ну не волнуйтесь. Сосредоточьтесь. — Он смотрел терпеливо.

Щеки Виктора покрылись красными пятнами. Повисла тягостная пауза. Он понял, что не сможет правильно ответить на этот в общем-то несложный вопрос.

С лица экзаменатора исчезло доброжелательное выражение.

— Странно! Не могу скрыть разочарования, — сухо проговорил он...

В коридорах Тбилисского университета — по-праздничному одетые юноши и девушки. Они стоят небольшими группами, взволнованно переговариваются. Кто-то пытается шутить, раздается негромкий смех. Ждут одиннадцати часов — должны вывесить списки. Те, кто с производства, держатся уверенно. Они знают: у них больше шансов быть зачисленными в университет.

Виктор, стоя у раздевалки, сосредоточенно читал газету. Чувствовал он себя неважно, но делал вид, что списки ему безразличны, что его больше заинтересовал разбор шахматной партии, сыгранной на чемпионате страны.

— Волнуетесь?

Виктор обернулся. Рядом стояла красивая стройная девушка.

— Почему вы так решили? — как можно равнодушнее спросил он.

— Пришли сюда задолго до одиннадцати.

— Какая наблюдательность! — с легкой иронией произнес Виктор и улыбнулся.

— На геологоразведочный сдавали?

— И это известно? Понятно. Вы работаете здесь.

Она простодушно объяснила:

— Вас не было на нашем потоке. Вот и решила... А я, честно говоря, волнуюсь! Всю ночь не спала, прибежала пораньше. Только этим делу не поможешь. Тот, кто уверен в себе, приходит вовремя. — Золотые колечки ее сережек вздрогнули.

— Вам-то чего волноваться? Четкое мышление, логика...

— Мне бы эту логику на экзамене! — Она протянула руку. — Тамара. Будем волноваться вместе?

Ближе к одиннадцати в вестибюле стало тесно. По лестнице в сопровождении молодого парня торжественно спустилась полная седовласая женщина в зеленом костюме. В руках она несла листы глянцевої бумаги. Списки! Около доски объявлений сразу же закипел водоворот. Кто-то из стоящих впереди догадался читать фамилии вслух. Все замерли, установилась тишина. Виктор напряженно слушал: вдруг случится чудо. Но вот громкий голос замолк, толпу словно размыло. Виктор стиснул зубы. Чуда не произошло. Его фамилию не назвали. Для верности, когда толпа поредела, он прочитал списки сам. Заданный на экзамене дополнительный вопрос сделал свое дело.

— Виктор! Идите сюда! — У телефонной будки стояла Тамара и вертела в пальцах монетку. Глаза у нее заплаканны. — Меня не приняли, — с отчаянием проговорила она. — Экзаменаторы явно занизили отметки. А я так готовилась. — Ее губы задрожали. — Не представляю себе, что делать дальше...

Виктору стало ее жалко, и он бодро проговорил:

— Прежде всего, не расстраиваться и не опускать руки. У вас такие страдальческие глаза, что даже с лестницы видно.

— Пусть смотрят. Я готова провалиться от стыда

сквозь землю, — она подняла голову. — Даже жить не хочется.

Виктор сказал осуждающе:

— Ну знаете! Несерьезный разговор. Свет клином сошелся на университете?

Тамара стояла безучастная ко всему.

— Вам легко рассуждать. Поставили бы себя на мое место...

— Уже поставил. Меня тоже не приняли. Но вешаться не собираюсь. Переживу. Здесь семьдесят процентов непринятых.

Тамара повернулась к Виктору. В синем батнике и бежевых вельветовых брючках она была похожа на огорченного мальчишку.

— Обидно! Пойдут пересуды: неумеха, а в университет захотела. Знакомые посмеиваться станут...

— Чепуха. Вы что для знакомых экзамены сдавали? Нет!

— Противно, когда шушукаются за спиной. — Она зябко повела плечами.

Виктор успокоил:

— Ничего. Считайте сегодняшнюю неудачу досадным случаем. На будущий год поступим.

— Завтра, завтра не сегодня. И так всю жизнь. На будущий год претендентов меньше не станет.

Пытаясь ее отвлечь, Виктор рассказал о недавней гибели отца, о том, что мать, врач по специальности, но с годами утратившая квалификацию, пошла работать медсестрой. В конце концов, ничего нет зазорного в том, что и он пойдет работать, а заодно поступит на вечернее отделение. Матери станет легче.

Тамара молчала.

— Да не хмурьтесь вы, — нарочито бодро проговорил Виктор. — Считайте эти экзамены обычной тренировкой. Даже опытные спортсмены чаще добиваются лучших результатов не с первой, а со второй, даже третьей попытки. Штангисты, например...

— И прыгуны в воду, — усмехнулась Тамара. — Когда вниз без всплеска с поверхности уходят.

Виктор понял смысл ее реплики.

— Мы на будущий год опытнее других будем, значит, и шансов больше. А знаете, нам, может, еще в этом году повезет, — добавил он. — К концу первого семестра часть студентов отсеивается. На свободные места

вроде разрешают брать с вечерних отделений и тех, кто не прошел по конкурсу.

— Правда? — с любопытством спросила Тамара. — Вы сколько недобрали?

— Один балл.

— Я два. — Тамара обвела взглядом светлый вестибюль, лестницу, застланную красной ковровой дорожкой, поредевшие группы ребят. — Идемте, Виктор, сегодня мы в этом доме оказались лишними.

— Идемте и будем считать, что все плохое у нас позади.

— А может быть, все впереди, — тихо обронила Тамара.

Они шли по проспекту Руставели. Небо было чистым. Поливочная машина щедро окатывала водой брусчатую спину проспекта. Был первый час. Остро пахло нагретым асфальтом. Люди двигались по тротуару плотной стеной — начался обеденный перерыв. У магазина «Минеральные воды» расстались. Тамара обещала звонить. Свой телефон не дала, сказала, что установят его только осенью.

В Серебряном переулке из небольшой закуской доносился запах лаваша, чебуреков, свежей зелени. Виктор вошел в свой двор, по старой узкой лестнице поднялся в квартиру. Пусто, тихо, матери нет. Он сел за отцовский письменный стол с витыми медными ручками на ящиках. Под толстым стеклом вырезанный из «Огонька» снимок футбольной команды тбилисского «Динамо», рядом коллективная фотография класса и еще одна — он с отцом на Хашурском перевале. Здесь же стопка учебников, тетради с конспектами... Все в том же порядке, как и перед последним экзаменом. Виктор задумчиво смотрел на их тихий переулок. Старая соседка, примостившись у крыльца на низкой скамейке, деревянной палочкой чистила персики и складывала их в большой медный таз. В доме напротив у окна сидел парень с парализованными ногами. Виктор вспомнил отца, который незадолго до своей гибели сказал:

— До окончания школы времени осталось немного. Подумай хорошенько о будущем. Мне хотелось, чтобы ты стал геологом.

Сам отец институт не окончил, хотя и говорил часто: «Чем больше старею, тем больше хочется учиться». Зато

стал хорошим наладчиком станков. Глядя на учебники, Виктор вспомнил, что за месяц до сдачи документов в университет он сказал матери, что будет поступать на исторический факультет. Она ничего не ответила. Только вечером, за чаем, проговорила:

— Отец хотел, чтобы ты стал геологом. Это хорошая специальность.

Чтобы успокоиться, Виктор включил магнитофон. Зазвучала знакомая, известная до последней ноты песенка, которая уже с год была в ходу:

Слушай, милая, родная, срочно приезжай.
Следуй нашему примеру — больше не скучай...

Он невольно представил Тамару, ее тонкие, правильные черты лица, крохотную родинку под нижней губой и пожалел, что не проводил свою новую знакомую. По крайней мере знал бы, где живет. Виктор нажал на клавишу и прилег на тахту. Было тепло и уютно. От нагретых солнцем обоев шел розовый свет.

Человеку неподвластен выбор сновидений. Они наступают, сменяются и исчезают самым неожиданным образом. Желанные и неприятные приходят чаще всего тогда, когда их не ждут. Виктору снился худощавый экзаменатор. С улыбкой он задавал вопросы и сжимал его плечо. Виктор тяжело вздохнул и открыл глаза. Над ним склонилась мать.

— Ты что, мама? Я говорил во сне? — спросил он, приподнимаясь.

— Нет. Плакал...

Виктор сел на край тахты и, чувствуя на себе тревожный взгляд матери, опустил голову. Чтобы уйти от мучительных расспросов, он обнял ее и прильнул щекой к щеке.

— Ну, рассказывай, — сказала мать тихо. В ее голосе не было досады. Чем спокойнее она спрашивала, тем откровеннее отвечал Виктор.

— Не расстраивайся, мама, я уже взрослый, пойду на завод и буду опять готовиться к экзаменам. Поступлю...

Так же, как в детстве, мать прижала его голову к себе.

— Ты не обо мне думай, — она на минуту затихла. Потом, словно вспомнив что-то, проговорила: — Спаси-

бо, сын, только не забывай, мне твоя помощь не сейчас, в старости нужна будет, — голос ее дрогнул. — Лучше готовься как следует.

* * *

Прошло лето, незаметно прошла и осень. Наступил холодный декабрь. Снег успел припорошить городские крыши и скверы. Виктор ходил на подготовительные курсы, просиживал вечера в читальном зале. К экзаменам готовился серьезно. Свой день расписал по минутам: в восемь тридцать подъем, потом завтрак, занятия. И обязательная прогулка перед сном. Тамару не встречал, а она не звонила. Увидел ее случайно, за несколько дней до Нового года, когда шел из булочной. Она стояла у витрины парфюмерного магазина. С парнем. Лицо ее было радостным, веселым. Она показалась ему очень красивой. Застеснявшись своей авоськи с хлебом, он замедлил шаг. Но было поздно. Тамара, улыбаясь, смотрела на него.

— Виктор, здравствуй! Мы не виделись целую вечность...

— Ты не оставила адрес и сама не позвонила. — Он перевел взгляд на спутника девушки — невысокого полноватого парня, лет двадцати пяти, одетого в черное кожаное пальто, державшегося независимо.

— Знакомьтесь, — сказала Тамара.

— Гурам. — Ладонь у парня была мягкая, но сильная.

— А это Виктор, мой товарищ по несчастью. Мы оба не попали в университет. Ну, как ты? Рассказывай!

— Готовлюсь. На этот раз поступлю, — твердо сказал Виктор.

— Молодец! Живешь с перспективой, — рассмеялась Тамара. — Я тоже пыталась зубрить, но, видимо, немогущий мозг устал за лето. Решила отдохнуть. Ты был в Геленджике? Нет? Много потерял. Там здорово. Правда, пляж каменистый, но все равно чудесно.

— Загар еще сохранился, — проговорил Виктор, глядя на ее смугло-золотистое лицо.

— Не каждой девушке удается так хорошо отдохнуть, — подал голос Гурам. Он достал из кармана сигарету и, щелкнув зажигалкой, отступил к витрине.

— Ты не раздумала поступать?

— Нет! Весной начну готовиться, — чуть подумав,

сказала Тамара. — Сейчас работа отвлекает. Не удивляйся, я устроилась на время официанткой в кафе. Но это на время, — поспешно добавила она.

— Приобретаешь производственный стаж?

— Это специальность не для девушки, — снисходительно бросил Гурам. — Целый день таскать подносы... — Стоя у витрины, он не пропустил ни одного их слова.

— Не тебе, Гурам, выбирать для меня специальность. Подумай о своей. В твои годы дудеть в дудочку...

— Ну, еще бы! Где нам, необразованным, — усмехнулся Гурам и отошел.

— Кто он? — тихо спросил Виктор.

— Никто. Играет в нашем кафе на кларнете... Знаешь, давай встретимся завтра. Ты был когда-нибудь в варьете?

— Нет.

Тамара позвала Гурама.

— Послушай, дай свой билет.

— Но, Тамара!.. Твоим фантазиям нет конца, — удивленно бросил он. — Я всегда рад помочь, но есть же предел... — Гурам достал бумажник и вытащил узенькую голубоватую полоску.

Виктор протянул трешку.

— Виктор, не смей! — запротестовала Тамара.

— Спрячь, спрячь бумажку, парень, — проговорил Гурам. — И помни, я для тебя билетик от сердца оторвал.

Виктору в варьете было все необычно. И загадочный полумрак, и ощущение странного уюта, и шелест незнакомой музыки. Официант в красном пиджаке и галстук-бабочке проводил их к столику у самой эстрады. Принес фужеры с пепси-колой, зеленые синтетические соломинки и, пошептавшись с Тамарой, направился важной, неторопливой походкой к другим гостям.

Виктору казалось, что он попал в чужой мир, в котором не знает, как нужно себя вести. С чувством облегчения он услышал о начале концерта. Зажглись юпитеры. Зал наполнился розовым светом. На небольшой эстраде заметались зеленые, красные, желтые, сиреневые огни. Программа была разнообразной: балет, певцы, акробаты, жонглеры... А потом — танцы под оглушительный грохот динамиков. Время пролетело быстро.

Они вышли на улицу возбужденные. Была полночь.

Падал редкий снег. На затихшей площади и проспекте — гирлянды новогодних фонарей.

— Тебе понравился концерт? — пряча лицо в воротник дубленки, спросила Тамара.

— Не очень, — ответил Виктор и после небольшой паузы смущенно добавил. — Наверное, я чего-то не понимаю...

— Судя по аплодисментам, концерт многим пришелся по душе.

Виктор смутился еще больше, но все же сказал:

— Это настроение от вина и танцев. Мне жаль артистов, которые стараются для подвыпившей публики.

— Во всех варьете так.

— От этого не легче. Не должно быть так.

— Какая категоричность! Похоже, что ты обладаешь чрезвычайными полномочиями решать такие вопросы, — рассмеялась Тамара. — Словно приговор вынес... Но в чем-то ты прав.

Они шли мимо ярких витрин с новогодними искусственными елками, мимо покрытых снегом кипарисов, закрытых на ночь табачных и газетных киосков с разложенными на полках красочными журналами.

— До завтра, — сказала Тамара, останавливаясь у подземного перехода. — Не провожай, — она дотронулась до его рукава. — Мне здесь недалеко. — И, слегка поколебавшись, добавила: — Приходи завтра днем в кафе. Я буду на работе...

Виктор не упустил случая встретиться с Тамарой. Швейцар улыбнулся ему добродушно и открыл дверь. Сегодня в кафе народу на удивление было много.

Тамара работала старательно. Приняв заказы, она скрывалась за перегородкой из деревянных реек с большой чеканкой посередине. Изредка подходила к Виктору и, перекинувшись незначительными фразами, возвращалась на раздачу. Он терпеливо дожидался ее. В перерыве между номерами к нему подсел Гурам. Он с жадностью отхлебнул из фужера минеральную воду и, вытерев губы, сказал:

— К черту! Надо срочно менять профессию. Этот кларнет меня до эмфиземы доведет, а от минералки и до камней в почках недалеко. Между прочим, здравствуй! Все пополняешь знания?

— Учусь, чтобы снова не провалиться на экзаменах.

— Ну-ну. А чему тебя учит Тамара? — Гурам захихикал.

— Слушай, нарвешься!

— Ладно, ладно! Шуток не понимаешь? — У Гурама была такая привычка — сначала сказать что-нибудь обидное, а потом превратить все в смех. — Хочешь выпить? Есть отличный чешский ликер. Бехеровка! Он нырнул за сцену и вскоре принес плоскую зеленую бутылку.

Подошла Тамара, осуждающе посмотрела на Гурама.

— Ничего плохого, ничего плохого, — поспешно проговорил он. — Я сегодня вполне воспитанный, понятливый и во всем с тобой согласный. Поэтому прошу — не нарушай моего творческого состояния. — Он встал и пошел на сцену, но тут же вернулся, обнял Тamarу за талию, заговорщически сказал: — А ты, голубка, с Виктором, гляжу, счастлива до умопомрачения. Только знай, он ревнивый. Его на пустом месте разыграть можно.

Тамара уклонилась от его объятий.

— Учту! Только тебе-то что? — бросила она ему уже вслед и, подойдя к Виктору, сказала: — Не обращай на него внимания.

— А я и не обращаю.

Тамара поставила посуду на рабочий столик.

— Ну и правильно. — Она посмотрела в сторону эстрады. — Странный Гурам человек. В трудную минуту поможет, переживать станет. Но обижает легко. На чужой душе синяк поставить — для него не проблема.

В понедельник в кафе выходной, и Гурам пригласил Тamarу и Виктора к себе в гости, на день рождения. У него однокомнатная квартира километрах в пяти от центра города, с окнами на ипподром. Ему нравится этот микрорайон: здесь тихо, свежий воздух и бесплатное развлечение — смотри, любуйся из окна на разномастных лошадок. Сверху был виден весь скаковой круг. Прихожая увешана афишами, чеканками, красавицами из заграничных календарей. Подвязавшись полотенцем вместо фартука и подвернув рукава рубашки, Гурам суетился как заправский кулинар. На столе зелень, сыр, по-

мидоры. Аппетитно поблескивали кетовая икра, стручки зеленого перца, розовые ломтики лососины...

— Фантастика! — воскликнула Тамара.

— Сегодня все по-скромному. А вообще, чего скрывать, — постарался, конечно, — бесхитростно ответил Гурам. — Это в честь тебя, — он взял с подоконника бутылку армянского коньяка «Ахтамар».

— Спа-си-бо, — с улыбкой протянула Тамара и с интересом взглянула на этикетку. — Ого! Пятнадцать лет выдержки!

Добродушный, без обычной грубоватости, Гурам сейчас располагал к себе. Напевая, он умчался на кухню и вскоре вернулся в комнату с большой тарелкой горячей картошки. Торжественно поставил ее на стол...

— Вот теперь — порядок! Не картошка, а халва! Ну что, давайте начинать?

Тамара вытащила из сумочки небольшую коробку:

— Это тебе, Гурам! На память о дне рождения и о нас!

Гурам открыл узкую коробку. Галстук и индийские запонки очень подходили к его кремовой рубашке.

— Спасибо, друзья!

Виктор вручил хозяину томик Ахматовой.

— Это тоже от нас.

— Ого! Я долго искал эту книжку.

Гурам быстро перелистал страницы.

— Вот:

Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно — странно
Ты не был седым и грустным.

— И вот еще, послушайте, — он перевернул несколько страниц.

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

— А что еще там про любовь? — спросила Тамара.

Простые ее слова: «А что еще там про любовь?» — смутили Виктора. Ему показалось, что интерес Тамары к ахматовским стихам нечто большее, чем восторжен-